

Туда, где мох и спелая морошка,
моя душа влетает спозаранку
сквозь отворенное во сне окошко,
минуя поезда и полустанки.

Еловый сумрак без конца и края
она вбирает, раскрывая очи,
и ведьмиными кольцами играя,
себе самой — и родине пророчит.

Свои слова сама не понимает,
поет их, словно песню берендеев,
и плачет вдруг, и бьется, как немая,
увидев над собой топор злодея.

И, соскользнув по иззубренной грани,
плывет к надежде паутинной нитью,
и в омутах сознаний и страданий
горит и говорит, что снова быть нам!

Что будет снег, пуховый, непорочный,
и будет смех, тишайший и легчайший,
и в сердце будет нежность многоточий,
зовущая все дальше, дальше, дальше.

И будет как платочек на деснице
моя страна, где радуешься, плача,
где, умирая, улетаешь птицей
сквозь дым родной, смолистый и горячий!

Счастье — это роща золотая
в краткий миг осеннего тепла.
Шелестит и тихо облетает
до зимы, до снега, догола.

Горе — это черное предзимье,
срубленные мертвые стволы.
Горе — словно проклятое имя
в ежедневном шорохе молвы.

Но сквозь горе всех постылых истин,
сквозь холодный тлен могильных вод
видишь только золотые листья,
солнечного счастья хоровод.

* * *

В Сокольниках, у старой каланчи,
затерянной среди стекла и стали,
пора остановиться. Помолчи
и вспомни все, о чем тогда мечтали,
чем жили, чем томились, выживая
среди утрат, распутиц и разрух...
Теперь все это — капля восковая
да невесомый паутинный пух.

Теперь все это — солнечная даль
прозрачного осеннего пейзажа,
где каждый звук и каждая деталь
о радостях и горестях расскажут.
Вот лиственниц лимонные ресницы,
вот елочки зеленая свеча,
а где-то дальше детская больница
и наш сынок под скальпелем врача.

Душа моя, ты светишься сквозь плач,
ты смотришь благодарно и влюбленно,
а солнышко, упругое как мяч,
румянится, смеясь сквозь кроны кленов,
и жизни догорающие листья
на тротуаре радужным ковром,
а воробьи усердно перья чистят
и радостно щебечут — не умрем!

* * *

Ветер, веющий с лимана,
полон холода больного —
выйдешь поздно или рано,
все давным-давно не ново,

тяжек снег на месте лобном,
сколько душу ни травы,
тундра вечности подобна,
хрупкой вечности любви.

Проводи меня на пристань,
погадай мне на дорогу,
горький век наш перелистан
до начала эпилога,
годы старости что птицы
на расклеванный гранат,
но последние страницы
откровение хранят.

Про себя его читая,
ощутишь, как сердце бьется —
от Днепра и до Китая,
от креста и до колодца!
Мир подобен тонкой линзе,
собирающей огонь —
только тронь, она и брызнет
жаркой смертью на ладонь!

Но на Севере все просто,
если спят в стволах патроны,
если щедрость — полной горстью,
и прощание — с поклоном!
Здесь неправда — свет болотный,
а ошибка — самострел,
здесь за точку платишь сотню,
и полсотни за пробел.

Север наизусть заучен,
но всегда берет врасплох он —
перед горем неминучим
все беспомощно и плохо.
Здесь видна изнанка мира,
швы, заклепки и болты,
да зияющие дыры
заполярной пустоты.

Но у пропасти прощаний
неба весточка святая
на лишайник и песчаник
серой пуночкой слетает,
тихой птичкой, легким пухом
на протаявшем снегу...
Этот ясный образ Духа
я до смерти сберегу.